

С-307, 5-с.

ИОГАННЕС СЕМПЕР

288208

СТИХИ

ОГИЗ—ГОСЛИТИЗДАТ 1945

1 руб.

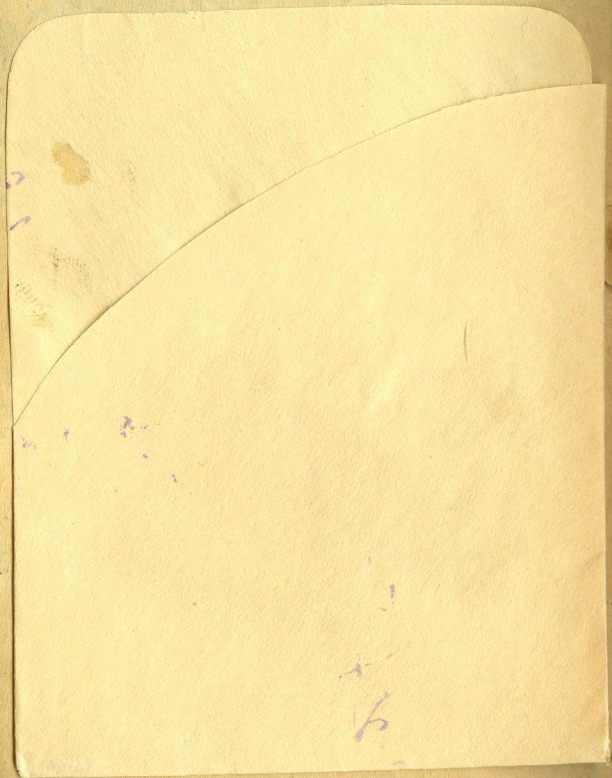
V.N. Karazin Kharkiv National University

00755174

7

8c73

С-304,5-с
ИОГАННЕС СЕМПЕР

СТИХИ

Перевод с эстонского

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945 г.

Центральна Наукова
Бібліотека при УДУ

Инв. №

288208

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1945

58

ИЗ СБОРНИКА

«СОЛНЦЕ В КАНАВЕ»

(1930 год)

СВЕРКАЮЩАЯ ВЕСНА

Из панелей влагу выпили
стрелы солнечные

досуха.

Всюду — на сосне ль,

на липе ли —

почки вспучились пахучие.

О былой зиме твердят ещё:

и холодноватость воздуха,

и деревьев оголённые

растопорщенные сучья.

Но гляди —

как в небе радостно,

как цветёт оно, сверкая; —

будто крылья на ногах твоих —

волю с птицами разделишь!

А на встречающих лицах светятся

чуткость и любовь какая, —

то волнение лучистое —

в целом мире иль в тебе лишь?

Будто хочешь,

превзойдя себя,

всех вниманием одаривать!

Погляди в глаза прохожему —

в них откуда это зарево?

Слушай зяблика весеннего,

куст оглядывай сиреневый.
И, вдыхая ветер благодный,
сердце парусом накренивай.
Всё, что видимо и слышимо,
каждый запах,
каждый зов весны —
пить лишь для утехи собственной
в дни такие как-то совестно.
Эти блага, эти радости
всем сердцам
раздать бы начисто,
чтоб сияние всемирное
перелили
в звон раскатистый!

В ПОРТУ

О мужественный запах мачт,
угля и соли, рыб и смол!
О моря горб, о зверь-силач,
твоя рука — вот этот мол.

На волнах ветер задрожал,
столпились мачты в тесный круг.
Залив объятьями их сжал.
Вот гавань. Брошен тюк на тюк.

Погрузки ждёт, разинув пасть,
корабль, несытый, как вампир.
Набил свою утробу всласть,
и люк закрыт, и кончен пир!

Что видит в снах раздутый зверь:
кошмар морей, немую мель,
угрозу горестных потерь,
иль тропиков цветущих хмель?

За ноздри держат якоря
морских гостей из дальних стран.
Но отперла замок заря.
Цепь смотана, и поднят кран.

На палубе, с удавом схож,
лежит клубком тугой канат.
И воду режет киль, как нож,
а в жаркой точке — сущий ад.

Вода, взволнована винтом,
вся в пене, как вино, шипит,
а там, на берегу морском,
одетый в камень, город спит.

Но, обновление тая,
вновь за кормой волна встаёт,
и, чуя новые края,
повёрнут острый нос вперёд.

Прощаться с гаванями вдруг
на разных цифрах долготы...
Восток и запад, север, юг —
о страсть к движенью, это — ты!

Марсель, 1927 г.

ГРИ МОГИЛЫ

Шоссе скрежещет гравием постылым.
А солнце — только маленький клочок.
Устал брести по выгонам унылым.
Куда итти? Ведь путь ещё далёк.

В лугах померкло марево дневное.
Синь можжевельник, тени на траве.
И, словно утки в камышах, от зноя
кружатся мысли роем в голове.

Сметает ветер листья по оврагу.
И косы мельниц развевают жар.
Медлительно и долго варит брагу
заоблачный, угрюмый пивовар.

И сумрак вырастает за кустами...
И есть ли кто другой близ этих мест?
Полоской стало на закате пламя...
Нет никого, и я один, как перст.

Очерчен синий можжевельник резче.
Смолк колокольчик. Веет тишина.
И каждый куст насторожён зловеще.
Душа чутка. Она совсем больна.

Вдруг трёх могил возникли силуэты.
И стоны ветра в проводах слышны...
Три жителя загробных, три скелета...
Они во дни войны погребены.

Но кто мою приподнял шляпу? Странно..
Рука, и чьей могла бы быть она?
И вздох сорвался, пролетел и канул,
чтоб не подняться никогда со дна.

1928 г.

СМЕРТЬ В ЛЕСУ

И мысль моя свежей. И крепче тело.
Меня омыл бродяжничества день.
Испуганная утка вверх взлетела,
и белка юркнула в густую сень.

Что вижу? Тут свершилось злое дело:
смолой могучий истекает пень.
Лежит колючий ствол. Зашелестела,
дрожа, осина. Сникла сосен тень.

О тишина, страшнее похоронной,
ель на холме с поломанною кроной
и «отче наш» заплаканных берёз!..

Пила, ощерив зубы, отдыхает.
«Тень умерла», — легко ольха вздыхает
и вверх стремится, не боясь угроз.

1929 г.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Ветра порывы. Шуршит золотая
жатва листвы под ногами.
Клич лебединый, из тучи взлетая,
горько скрежещет над нами.

Жизнь пролетала когда-то, как птица
Сохнет листва на дороге...
Стоит ли вслед за весной торопиться?
Дни — как тяжёлые дроги.

О бесконечная, вечная смена
«завтра», «вчера» и «сегодня»!..
След мой исчезнет средь праха и тлена
в пляске ветров každогодной.

Буду, покинутый, сам я заверчен
листьев осенних круженьем,
но не погибну в таинственном смерче,
в дней быстротечных движеньи!

Вы, ураганы, гудите средь поля,
ветви ломайте, ликуя.
Знаю — есть радость и в скорби и в боли.
Зубы упрямо сожму я.

Пусть я в тоске изнываю ночами —
я не поддамся печали:
синее небо сквозит меж ветвями,
жизни открытые дали!..

1928 г.

ОБНАЖЕННАЯ ВЕСНА

Вот и весна. Лёд убрали с крутых тротуаров.
Только на крышах у труб снега лежат островки.
Солнце платком осушает мокрые клёны
бульваров,
синее платье небес носят, журча, ручейки.

Что-то в душе обнажилось под вымытым не-
бом.
Слов настоящих ищу, жажду живой простоты,
точных, прозрачных речей, что насущнее
хлеба, —
и целомудренных слов в чистоте наготы.

Вот уже месяц ползёт по деревьям туманным,
кошки, хребет изогнув, похотливо бредут, —
губы другими словами кривятся, и странно! —
чуждые; новые чувства из сердца встают.

Кажется, будто не здесь я, — на новой планете,
будто опорой мне Ориона причудливый мост,
почва скользит из-под ног, и лечу я, как
ветер, —
тело моё в пустоте, голова — среди звёзд...

1928 г.

ОСЕННЯЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

Созвучны во всём этой осени грустные дни.
Листва опадает, и мак увядает в тени.
Со скрежетом в землю врезается плуг

стальной —
ему не легко ещё справиться с целиной.
И слышит проклятья весь день на полях
борозда.

По небу проносятся скатанных туч гряды.
И даже улитке немой и скованной сном
унылая осень мила и созвучна во всём.
Весь день молотилка поёт, и курлыкает строй
седых косяков журавлиных над домом порой.

Взгляни на себя, на свою удлинённую тень,
бегущую рядом, на эти скирды, на плетень.
Потом на обилье своих закромов взгляни
и песню об осени жизни своей затяни.
Почти половина её уж тобой прожита.
Пора подвести отзвучавшим годам счёта...

Но нет!

Я о плясках весны затаил мечту,
на помощь себе непокорность и гордость зову,
и в дни, когда флокс только дышит устало
в цвету
и скорбные ветки роняют на землю листву,
мне кажется, почкой смолистой набухнуть я б
мог.

Все скукой измучены, в будни погружены,
так пусть моя песня зальётся свирелью весны!

Но власть твоя, осень, над сердцем ещё крепка.
 Меня ты зовёшь, как бывало, издалека.
 Велишь, чтоб, последней лазурью твоей

Но, осень, не хочется отдыха в лоне твоём!
Мы с гордостью верной моею шагаем вдвоём.
Под силу ещё на крутую вершину подъём.
Стать тучей бы серой, нависшею, дождевой
и вспененной килем высокой волны синевой,
и, точно сквозняк и сорвавшийся вихрь
грозовой,

Опущенный флаг его вял и отцвёл. —
Его бы порывом одним я размёл.
В гармонию лени застойного сна
и в праздность, что гложет меня,
я б факел проклятия бросить хотел
и сноп золотого огня!

1926 г.

ЧЕРНЫЙ КОНВЕРТ

Сегодня вновь конверт приходит чёрный —
в который раз уже за этот год...
Станок подземный, ты стучишь упорно,
пока последний лист не упадёт.

Слабеет узел старших поколений,
поэзии хранивших тайный жар.
Старушка прожила без сожалений,
храня беспечности свободный дар.

Бывало, рано ей уже не спится;
она бредёт за стадом по горе.
А травы, росы, и цветы, и птицы
ей счастье приносят на заре.

Там, за горой, — распаханное поле,
взволнованная золотая рожь...
Простор небес манил её на волю,
поэзии была знакома дрожь.

Пускай изба её давно замшела,
лён в сорняках, повсюду лебеда,
окошко заткнуто тряпицей белой,
всё развалилось — это не беда!

Привязанность к земному недостойна, —
что ж суетиться попусту весь год?
Природа ей сродни была. Спокойно
она брала из улья в сотах мёд,

и жалом ей пчела не угрожала.
Старушка в лес угнала как-то раз
змею, что на тропе клубком лежала:
пусть божья тварь спасётся в добрый час!

Зима приходит, воеет вьюга грозно,
сверчок поёт, за печкою, тепло...
Она не видит, замечтавшись поздно,
что в избу ветром снегу намело.

Старушка угасала. В ней темнело
сознание, как тусклый свет в углу.
Она теряла ощущение тела,
и мысли меркли, уходя во мглу.

В избе сугроб. Мороз на узкой дверце.
И пусть его! Растает как-нибудь...
Другая песня нарастает в сердце,
и боль мгновенно сдавливает грудь.

1925 г.

РОЖДЕНИЕ

Когда пришла пора дать миру сына, тёлка
в полдневный знойный час тайком ушла
из стада
и место выбрала в глуши, средь чащи колкой,
чтоб разрешиться там, вдали чужого взгляда.

И в полночь началось. А на рассвете холку
и звёздочку на лбу лизала мать у чада.
Блаженный час родов. Ель источает смолку.
У ног журчит ручей. Рулады птиц. Прохлада.

Но ожил лес кругом. Шумит облава звонко.
Нашли, чтоб оторвать от вымени телёнка
и разлучить навек. Что значит вопль коровы

или то, что сосунок не признаёт корыта!
Парное молоко пьёт человек суровый,
считая барыши: их даст бычок убитый.

1929 г.

СИРОТА

Яйцо последнее укрыто было шубой.

И, скорлупу пробив, гусёнок удивлённый
вверх посмотрел, пища, когда хозяйка грубо
его сняла с печи. Ребёнок незаконный,

он мать в тебе нашёл, и видеть было любо,
как бегал за тобой в саду птенец влюблённый.

Гусёнка мать звала напрасно: словно губы,
протягивал к тебе он клювик округлённый.

Так много зелени вокруг, но клюв так мал!

И стебельками ты сама птенца кормила.

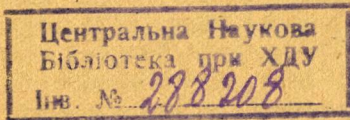
Когда же с братьями пастись он в поле стал,

то к вечеру пропал, погиб питомец милый...

Ты, про беду узнав, забыла об обеде,

а сердце у меня ведь тоже не из меди...

1929 г.

ВСТРЕЧА

О запах сосен и берёз!
Как сердце мечется в тревоге!
Тут разветвляются дороги,
и крыши ржавые пологи.
Привет тебе, земля, где рос!

Ещё как крепость старый дом,
хотя года легли на плечи.
И в потолках прогнивших течи,
померкли окна, смолкли речи,
в сторонке голый луг с гумном.

Чужой выходит из сеней
и носит воду из колодца.
Здесь не попрежнему живётся,
и что-то изменить придётся,
чтоб ожил дух минувших дней.

А счастье встречи — всё острее!
Мне каждая травинка рада.
Но между нами есть преграда.
Связать бы крепче чувства надо,
а я — как призрак у дверей.

Здесь прежде стадо шло, толпясь,
и лёс носился суетливо.
Тут одному бродить тоскливо,
у леса оплетает ивы
колючей проволоки вязь.

За ней была лесная сень,
лужайка, земляника — летом.
Здесь я однажды стал поэтом...
Теперь лотки на месте этом,
исчезли дуб и старый пенёк.

Меня встречает серый куст.
В долине, где шумели сосны,
телеги слышу скрип несносный.
О странный мир, чужой и грозный.
сегодня горек ты и пуст.

В ОЖИДАНИИ

На Западе Вирц'ярв. И в небе позолота.
А озеро блестит, как лезвие ножа.
Покрылись синевой далёкие болота
и солнце — алый шар над синью рубежа.
Дыханье затаив, природа ждёт чего-то.

И я бреду межой, от ветра рожь в смятеньи.
Ладонью трогаю колосья. Узок путь.
Обнажены мои земные вожделенья,
и хочется мне глубоко вздохнуть,
а ветра жаркого легко прикосновенье.

Всё чувствую, как лакмусовая бумага,
и шаг твой призрачный я слышу за спиной.
Мерещится он мне и здесь, и у оврага,
теперь, и в час, когда спадает жар дневной
и в воздухе полей живительная влага.

Но знаю я, что это всё мне снится.
И тело от тоски и грёз напряжено,
оно глухим желанием томится,
тускнеют мысли, и в глазах темно...
Всё горячее дыхание пшеницы.

Приходит ночь, и с нею сновиденья.
Невеста в темноте является ко мне.
Рука, как стебель гибкого растенья,
протянется к любимой в тишине.
Но вдруг исчезнет всё... и расплывутся тени.

А утром вновь огонь любви неутолённой
и в травах и в листве. Земля утомлена.
Сжигает страсть её пылающее лоно.
Холмы, как жёлтая сыпучая волна,
цветы её качает ветер сонно.

Потом опять закат и в небе позолота.
А озеро Вирц'ярв блестит, как сталь ножа.
И снова в синеве далёкие болота,
и солнце — алый шар над синью рубежа.
Земля не дышит, словно ждёт чего-то.

1925 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОИ

Лишь солнце невысоко
восходит над прудом,
пришелец издалёка
глядит на отчий дом.

Никто не знал об этом,
но всё тут ждёт меня,
И влажный путь с рассветом
домой зовёт, маня.

Звенит над садом старым
не ласточки ль привет?
И вспыхивает жаром
вся кровь моя в ответ.

Калитка. Здесь дороги
отходят в свете дня....
И слабость на пороге
осела вокруг меня.

Я вижу: спят наславу
загон, амбар и двор.
Дуб дремлет величавый,
как встарь, держа дозор.

Я только ветер с воли,
я птица с волн морских,
но мне и стебель в поле
поёт здесь, точно стих.

А в синеве так ясно.
Предчувствию поверь...
Ах, всё вокруг прекрасно!..
Чу! Приоткрылась дверь...

1928 г.

ИЗ СБОРНИКА

„КОЛЕСО ВЕТРОВ“

(1937 год)

ПОД ЭКВАТОРОМ

Тяжёлый небосвод, расплавленный от зноя,
где будто динозавр остро и горячо
твои глаза сверлит, встаёт перед тобою,
косматой лапою сдавив твоё плечо.

И воля у тебя слабеет, замирая,
как укрощённых волн неторопливый ход,
и словно ты живёшь, неслышно отступая
за грань добра и зла, без мыслей и забот.

Здесь машут веера, ты ветра их не слышишь,
и равнодушно ты глядишь на эту ширь,
ты спишь с открытыми глазами, ровно дышишь,
но соки мира пьёшь ты жадно, как упырь.

И кажется тебе всё прочее никчёмным,
как платье лишнее... Ты — лишь росток простой,
весь в будущем ещё, бесхитростный и скром-
ный,
весь в ожидании перед своей судьбой.

Под крышами теплиц растения восходят,
но если в сумрачном лесу души твоей
лианы гибкие приют себе находят,
несёшь покорно груз искривленных ветвей.

Ты мысли ни одной не намотаешь ныне,
как нитку на клубок. Одно желанье — спать
и вместе с кораблём по синей плыть равнине,
и ничего не знать, не видеть, не желать.

Ах, встать бы сразу, вдруг, предать бы разру-
шенью
весь этот тягостный удушливый кошмар!
И не согласьем быть — огнём, сопротивленьем,
поднять, как Прометей, своих стремлений жар.

1937 г.

ДУБ

На холме уединённом
вырос дуб. Он был высок.
Ветер гнул его со стоном.
Слышалось ветвям зелёным,
как в стволе бунтует сок.

Поднялся в глуши священной
он во весь гигантский рост.
Шум листвы вскипал, как пена.
Он стоял, как ось вселенной,
и тянулся к блеску звёзд.

Путников, бредущих летом
непротоптанной травой,
в полдень опьяняло светом.
Ствол казался им воздетым
к небу пламенной листвой.

Часто бурею косматой
он бывал ошеломлён.
Но, усталый, весь измятый,
отражал её раскаты,
закалялся в бурях он.

Но однажды утром рано
ливень чащу затопил.
Молнии удар, неожиданно
поразивший великана,
ствол могучий расщепил.

Опустел мой холм унылый,
сгорбился от горя он.
Горечь счастье отравила.
Тень печали заслонила,
словно туча небосклон.

1936 г.

МОРЕ

Море, колыбель бессонниц и лазури,
о, какую тишь таят твои ветра!
То, что для людей в тебе порывы бури,
для тебя всегда весёлая игра.

Туча над тобой — игрушка жестяная,
дождь — нелепый труд и неба, и земли.
Ты миллионы лет живёшь, не умирая,
и твоей спине докучны корабли.

Берега небес — открытые ворота,
облака — овечья шерсть, лебяжий пух.
И по Млечному пути стада без счёта —
звёзды гонит месяц, золотой пастух.

Море, ты вошло в меня, как мирозданье.
Позади осталась суша — дымный след.
Хоть люблю ещё восторг мой и страданье,
потерять не жаль мне край былых сует.

Забываешь здесь мученья и укоры.
Ведь людской обман не нужен небесам.
Вижу я везде правдивые просторы,
и частица этой радости — я сам.

Я впиваю вновь сиянье вод и неба,
познаю и сон, и явь, и гул, и синь.
Море, ты всего нужней, ты проще хлеба,
ты теплей объятий и святей святынь.

НА АТЛАНТИКЕ

Киль разрезает волну за волною.
Вот засиял Южный Крест впереди.
Море легло меж тобою и мною,
Надвое сердце разбилось в груди.

Сам я не знаю, что мне дороже —
прошлого или грядущего дни.
Севера небо бледнее и строже,
млечные ярче на юге огни.

Но, обделённый пожатием смелым,
лишённый молчания тайных чудес,
как сочетаю в едином целом
бескрайность морей и бездну небес?

1936 г.

ЖАТВА

Стальные лапы косят спелый хлеб,
машина гложет цвет желтоголовый.
В снопах темно, как будто день ослеп.
Играет ветер смятою половой.

Торчат рядком скирды в тени густой —
земли набухшей поднятые груди.
Зерно сияет смесью золотой,
и отблеск бронзы в этой яркой гряде.

Со стуком груша падает в траву,
она созрела, словно песнь поэта.
Песок под солнцем греется во рву,
не дышит воздух: слишком знойно лето.

Лишь пять часов, но тени так резки.
От них уже прохладой потянуло,
и чучело на поле у реки
ко мне нелепо руки протянуло.

Вот жерди, накрест сложенные. К ним
склонилось солнце, проплывая в небе.
О, разве это не прощальный гимн,
не песня о многострадальном хлебе?

И с каждым годом мне обряд милей,
что осень с сердцем слил в тоске единой.
А ложе золотое средь полей
окружено и хмелем и рябиной!

ВИДЕНИЕ О СЛЕПОЙ

Навстречу мне с улыбкою слепая,
ища опоры, боязливо шла.

Я к ней приблизился, её не зная,
взял за руку — она была тепла.

Всё существо моё, казалось, к ней взывало,
Как жердь плюща ждёт, так её я ждал.
За нами тишина великая вставала,
широкий склон пред нами ниспадал.

Похожая на дикое растение,
она легко опёрлась на меня.
Пусть не дано несчастной было зренье,
зато ещё острее видел я.

В единой поступи шаги звучали,
полёт вдвоём один порыв взметал.
Её черты блаженством засияли,
я сам себя теперь не узнавал.

Под нами пропасти бездонные лежали,
теперь она была опорой и мостом.
Слепая по руке всё прочитала,
и даже страх неверным стать потом,

исчезнуть в ослепительном сиянии,
которое волнуется вокруг.
Сердца обоих в бурном трепетаньи...
И мраком весь наш путь покрылся вдруг.

Она туманом лёгким испарилась.
Холодный свет основой мира стал,
всё мелкое вокруг определилось,
но снова стать опорой я мечтал.

1935 г.

ВТОРАЯ ЯСНОСТЬ

Ты, как одежду, скидывал устало
ненужные и тягостные дни,
но возникал из-под земли родник —
тебя струёй волшебной обдавало.

Мир заслоняло сумраком постылым,
и в небе угасал неверный свет.
И, вспоминая тени прошлых лет,
ты становился тихим и унылым.

Вторая ясность, как заря, сияла
за пасмурной чертою темноты.
Предметы, краски, запахи, цветы
она воскресным светом озаряла.

Там каждое движение звенело,
рождался ритм поэзии самой.
Теперь же это только мир немой,
мир неподвижный и остеклянелый.

Там пламенели жёлтые закаты.
Рассвет алел, сверкал твой яркий век.
Теперь душа глядит сквозь щели век.
Ты растворяешься — ты был когда-то.

Но не грустишь, что скоро станешь прахом.
Как мыльный радужный пузырь, тебя,
последнею надеждой ослепя,
смерть разобьёт руки легчайшим взмахом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Воздух свободный, беспечное море,
южное небо, прощай навсегда!
Севера веет дыханье, и вскоре
меж облаков, на небесном просторе
в муках родится Полярья звезда.

Но отчего ж после долгой разлуки,
берег Европы, не рад я тебе?
Замерло сердце в тревоге и муке,
словно я отдал себя на поруки
сумрачной и неизвестной судьбе.

Что там всплывает с волною разъятой?
Мина ли грозная, знак ли морской?
Да, во вселенной, безумьем закланной,
истина корчится, право распято...
В саване, дух, ты идёшь на покой.

Родина... Правь, рулевой, в эти воды!
Воют ветра на мильон голосов.
Вечно ты стонешь, мой край, от невзгоды,
вечно сдаются в наём твои своды,
а на устах твоих — горя засов.

Вейте, ветра безмятежного юга,
и догоняйте корабль средь морей.
Скоро конец... И обнимет нас туго
будней поэзия. Выйдем из круга
и не откроем молчанья дверей.

1936 г.

ОЧИЩЕНИЕ

В тучах дремлет небо тихо,
каплет смол душистый сок.
Меж ветвей бежит зайчиха,
шишку сбросил ветерок.

В сне медовом и ленивом
клевер клонится к земле...
Так, в объятьях, он счастливым
с корнем сгинул бы во мгле!

Но сдавили воздух грозы,
в дрожи ёжится сосна.
Проникают в лес угрозы,
тише стала тишина.

Пёс томится невесёлый.
Тень скользит вдоль зыбких круч.
Миг — и молния вспорола
чрево чёрных тяжких туч.

И низринулся шумящий
ток воды на знойный день,
выбивая в душной чаще
из деревьев сонных лень.

Мир — в купели обновленья!
В сердце иволги свистят.
А желанья и стремленья
грозной бурей налетят.

1935 г.

ЖРЕБИЙ

Ложась под нож, она ещё шутила,
уже ресницы тяжело смежив:

«Да, жребий ждёт: две жизни иль могила —
вот приговор за радости порыв».

Жизнь новая набухла и толкалась,
росток живой — погибшей ветки дань;
душа его ещё во тьме металась,
как в чаще леса вспугнутая лань.

На жизни крик ничто не отозвалось,
улыбкой не был встречен первый день,
нависшим валом только распласталось
молчанье, и в молчаньи свежий пень.

В кружок усевшихся на одеяле
и весело игравших малышей
вошла тень смерти; дети замолчали,
их помыслы подвластны стали ей.

Когда уже недвижной мать лежала,
склонились лица, скорбь в сердца вошла, —
в пелёнках закричал ребёнок малый,
ещё не ведавший добра и зла.

ПОЧЕМУ?

Видел я мать с трёхлетним ребёнком
в солнечный день у тюремных ворот.
Руки весна полоскала звонко
в тёплом блеске журчащих вод.

Сердце своё стремясь успокоить,
к девочке мать прикоснулась слегка,
сделала шаг и дрожащей рукою
тихо притронулась к ручке звонка.

Тяжкая поступь... Уж сам не дрожу ли?
Сердце, к чему твой страстный порыв?!
Ключ тяжёлый в замке повернули,
дверь чугунную чуть приоткрыв.

Грубо хлестнуло жёсткое слово,
грохнули створки, вновь затворяясь, —
первый подснежник бледнолиловый
девочка тихо роняет в грязь.

«Дайте понять: отчего, отчего же?...» —
тихо тоскует испуганный взгляд.
Он до сих пор моё сердце тревожит,
словно во всём я один виноват.

1935 г.

ТВОЯ РУКА

Твоя рука печально холодела,
вложила пальцы ты в мою ладонь.
Последний бой выдерживало тело,
в тебе последний угасал огонь.

«Конец?» — спросила ты меня с улыбкой,
и я увидел сквозь улыбку страх.
Но жажда жить цвела у грани зыбкой
и тлела в потухающих глазах.

Ах, скоро ты сдалась в единоборстве!
Поблѣк твой взор, заострились черты.
Лишь слово «смерть» в сознательном упорстве
так, до конца, не прошептала ты.

Невозвратима горькая потеря,
и я противиться не в силах злу.
Дом онемел, несчастию не веря,
какмышь, притихла внучка на полу.

И мѣртвой хваткой боль в меня вонзилась, --
ты мне когда-то жизнь дала, любя...
Но сердце матери остановилось:
смерть победила — я не спас тебя!

1936 г.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СМЕРТИ

Анри Барбюсу

Ночь темна, и звёзд не видно сиянья,
мало света; тепла в эту ночь нехватает.
Массы народной слышно вдали содроганье,
и беспокойно оружие всюду бряцает.

Слышна торжественно-гулкая дробь барабана,
медленно, скорбно идут улицею ночью:
урну несут с прахом. Факел горит туманно,
люди молча стоят неподвижной стеною.

Люди стоят берегами потока печали,
знамя обвито крепом. Что там, на этих носилках?
Сердце, горячее сердце, сердце из чистой стали,
то, что для правды билось верно и пылко.

Шаг держи с другими, стань спокойно и твёрдо,
слышишь ли эту поступь, полную скрытой силы?
Если в тебе тлеет искра истины гордой,
то разожги светлее, а не гаси уныло.

Пусть твоё слово будет, если кругом молчанье,
как пробуждённая ныне совесть народа,
в дни сомнений нужна ясность и правды
сознание.

Воздуха нехватает. Сердцу нужна свобода.

Сжатый кулак всюду, только людей не стало.
Но взгляни, быть может, в небе твой глаз
узнает
за темнотою ночью, за глухим покрывалом,
ту звезду, что сегодня бледным светом мерцает.

БУРЯ

Небо в разорванных тучах,
вихри мечутся в сучьях,
спутан ячмень в скирдах.
Вышла гроза на охоту,
гончими по болоту
мчатся ветра в лесах.

В стёкла ненастье бьётся,
кажется — вот ворвётся.
Где-то трещат болты.
Не уповай напрасно:
стинул скакун ужасный,
двое нас — я и ты.

Глух я к твоим призывам, —
я над немим обрывом
каменной встал стеной.
Ветер, ведёшь ты судно
к скалам вражды безрассудной —
руль у меня иной.

Судно средь моря тонет.
Гнётся, скрипит и стонет
брошенный кормчим штурвал.
Тонущий помощи просит.
Тщетно! На дно его бросит
бурный последний вал.

Берег во власти гнёта.
Сердце расколется чьё-то.

Вот похоронный звон.
Жаль мне и птицы малой:
буря гнездо сломала.
Сам я тоской обожжён.

Бури проклятая свора,
сдамся тебе я не скоро.
Балки ещё стоят.
Глух я к твоим призывам,
к мстительным, злым порывам, —
я одолею твой ад!

1936 г.

ИЗ СБОРНИКА

„НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ“

(1943 год)

МОЛЧАТЬ НЕТУ СИЛЫ

Молчать нету силы.

Ведь с каждым биением пульса
крепчает возмездье,
и всё, чем мы живы,
становится местью,
жестокой расплатой
за горе народа на родине милой.

Замученных слышим призывы
недолго до срока, —
замечется недруг проклятый
в мученьи предсмертных конвульсий.

Мы бешеных псов
от родного прогоним порога.

О родины зов!

Драгоценное пламя в нас брошено,
и недруга в дрожь оно
ввергает в бою,
полыхая, как знамя, над нами.

Зловещие вести

льют масло в огонь нашей боли глубокой,
взывая к отмщенью, —

Скоро, о, скоро
мы будем в дороге,
примчимся, как ветер весенний,
в родные просторы...

В просторы могил, пустырей и развалин...
О край мой, какой ты печальный!
Приветствую берег твой в пене.
К лесам и лугам простираю руки.
Как труден был год разлуки, —
изранивший сердце год.

Но если наш дом стал глухим пепелищем,
но если любимых в живых не отыщем,
нас всё-таки горе дугой не согнёт.

Народ мой — расправишь подбитые крылья,
вздохнёшь, мой любимый, полною грудью,
и, пепел страданья сметая огнём,
ты весь напряжёшься в последнем усилии, —
воспрянешь —
и сложат свободные люди
сказанье о мужестве гордом твоём.

ЭСТОНИИ

Ты, о родина, в суровом испытаньи —
словно знак, тяжёлым градом поражённый.
И во сне я слышу тяжкое дыханье,
слышу раненой души глухие стоны.
И, хоть боль твою рукой не успокою,
знай, страна моя, что сердце — лишь с тобою!

В час, когда на нашей родине усталой
враг детей голодной смерти обрекает,
бейся, сердце, только пламенным металлом,
из которого снаряды отливают,
гневом начинив. Будь смел, готовься к бою!
Не сробеет мой народ перед грозою.

И рука твоя пусть станет, словно камень,
пусть, не дрогнув, брёвна моста перепилит,
по которому, сквозь грохот, дым и пламень,
чёрный враг к своей попятится могиле.
Если ж пуля не найдёт врага в сраженьи,
пусть его не пощадит твоё презренье.

ГРАБИЛ ВРАГ

Враг издревле год от года
грабил наш берег с криком: «Моё!»
Ставил каблук на шею народа,
в пепле горячем дымилось жильё.

В небе щупальцы света плыли,
дым застлал города земли,
зданья рушились в облаке пыли,
голод и горе враги принесли.

Слабый шепчет: «Немец на спину
сел нам, и веру я загасил:
кто посмеет мешать господину, —
весь народ лишился сил».

Нет, мой друг, никто не станет
вешать голову — никогда,
лето чёрное в Лету канет,
вера в победу гранитно-тверда.

Зашумите, рощи, боры!
Степь, вставай, шевелись, тайга!
Мы снесём препятствий горы,
на колени поставим врага.

Страсть борьбы пылать не устанет,
с шеи сбросим каблук, друзья.
Будет день — он скоро грянет —
выйдет к воле родная земля!

1942 г.

НАСТАНЕТ СКОРО ЧАС

Один сражён свинцом, другой — петлёй
пеньковой,
в голодных лагерях бог весть где третий
пленный,
и душу боль грызёт в прощальный час
суровый,
с разлукой каждой боль терзает душу снова,
но вздрогнешь раз — и вновь ты стоек
неизменно.

Как полный влаги ствол — ты стоек, мой народ:
ты помнишь всё, и сжат проклятий полный рот.

Иль ненависть к врагу копили мы впустую,
за родом новый род, из года в год, веками, —
чтобы явились те, кто отдал бы святую
отчизну недругам, сковав народ цепями?
Нет, даже труп в снегу под тающим пластом
грозит вам яростным, зажатым кулаком.

Проклятья с детства мы глотали с чёрствым
хлебом,
кровь мстителей свежа, зовёт нас вновь к
победам,
жёрдь каждая грозит врагу под нашим небом,
земля отмщением горит за вами следом.
Иль мните вы — страна под сапогом умрёт...
О, мы покажем вам, что думает народ.

Свет ночи Юрьевой¹ и Лембит² не забыты,
как не забыты те, что гибли год от года,
в нас воды жалости с огнём борьбы не слиты,
одна лишь страсть кипит, горит в крови народа:
от зверских щупальцев спасти родной простор,
всю нечисть выметя, очистить дом и двор.

Товарищ, там, в тылу, и здесь, на фронте, —
слушай:

разлуку сменит час приветственного слова,
и звон родных штыков услышат братьев уши.
Так пусть одной семьёй в борьбе мы станем
снова —

что мы теряем: жизнь, ряд кратких, тленных
лет.

А выигрыш — святой, родной земли расцвет.

¹ Юрьева ночь — под этим названием вошло в эстонскую литературу знаменитое крестьянское восстание в Эстонии в 1343 г. Восставшие крестьяне жгли немецкие поместья и осадили города Таллин и Хапсалу. Восстание немцам удалось подавить лишь при помощи вызванного из Германии Ливонского ордена меченосцев.

² Лембит, или Лембиту, — эстонский народный герой, вождь борьбы эстонцев с вторгшимися в XIII веке в Эстонию меченосцами.

ШИПОВНИК

В снежной шири земли онемелой
крыльев сказки я слышу взмах:
это стынет, мой край, твоё тело,
это саван укрыл тебя белый,
это сказка о розе в шипах.

Ты лежишь за колючей оградой,
над тобою кружит вороньё...
О земля моя, наша отрада,
стать могилой врагу тебе надо,
схорони в своих недрах зверьё!

Злая ведьма следит за тобою,
на устах твоих смерти печать,
за шиповником, розой лесною,
ты томишься порою ночью...
Но не долго ты будешь страдать!

Чёрный ворон кружится над нами,
бьёт в безумии хищным крылом,
сердце братьев терзает когтями.
Но наш гнев полыхает, как пламя,
и врага мы, как буря, сметём.

С ложа встанешь тогда величаво,
улыбнёшься — то явь или сон?
Путь росой окроплён кровавой,
но тебя наши воины славой
окружают со всех сторон.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Душа надломлена. Ты — край безлюдный,
край, обращённый в пепел и руины.
Ты, словно искалеченное судно,
плывущее медлительно и трудно
среди безграничной водяной равнины.

Но — ты с надеждою в простор пустынный
глядишь, о будущем не беспокоясь, —
ты за неё схватился, как за пояс
спасательный. Ты веришь: за спиною
исчезнут вдруг страданий вереницы,
и утро встанет над страной родною
и девственной росой засеребрится...

То не роса
блестит в лучах и чашах —
то безутешными горят слезами
глаза детей
и матерей скорбящих...
С полей,
волнующихся за лесами,
тебе в лицо не дышат по-былому
ветра, беременные жатвой спелой...
То — пахнет труп, припавший к чернозёму
губами вспухшими, где накопела
густая кровь...
Тебя, как встарь, приветом
дом не встречает, озарённый светом
счастливых лет...
Ты ищешь троп знакомых —

их тоже нет...

Одни лишь пред тобою
немые стены — в трещинах, в проломах,
да небо, закоптелое, пустое...

Порой в тоске, неведомой дотоле,
душа вопит, на помощь порываясь.
И, как объятья, нежные до боли,
с тобою — родина твоя живая,
и сам ты, сам ты — колосок средь поля,
которому нет ни конца, ни края!

Я ВЕРНУСЬ

Я ушёл, когда была ты малым,
нежным кругленьким грибком...
Как ты рано чёрный день узнала.
Как ты рано сердцем угадала,
что беда войдёт в твой дом.

Я вернусь... Ты стала тоньше, строже,
локоны твои темней...
Разучилась ты краснеть, быть может.
Сердце не отравлено ли ложью?
Ведь жила ты среди змей...

Детство меж чужими — не отрада:
говорят: отцу конец,
кормит рыб, да так ему и надо...
Ты молчишь, не поднимая взгляда:
сердцем веришь — жив отец...

Я вернусь — и расцветёшь ты снова,
как заря весны светла.
Вырвавшись из сновиденья злого,
в первый вечер не промолвишь слова:
сразу даже радость тяжела...

СНЕГИРЕНКУ

Грустно... Отчего мне грустно?
Отчего тоска снедает?
Красных клёнов хороводы,
белый дом в кольце из клёнов,
в доме — горница большая,
в горнице — моя подруга.

С нею крохотный комочек,
мой любимый снегирёнок,
птенчик из моей же плоти,
резвая моя дочурка.
Снегирёнок мой смеётся,
нас улыбкой умиляет.

Вот она, прильнув губами
к тёплой груди материнской,
сладкий сок смакует жадно,
пальцем полный плод сжимает.

Вот уже ей стулья, стены
стали верною опорой.
Но не падай, пёстрый птенчик,
ушибёшься, дорогая, —
боль твою баюкать будут
материнские объятья.

Вёсны вольные взлетают,
лета лёгкие кружатся,
зимы звонко запевают.
Вырос милый снегирёнок,
пляшет и поёт беспечно
попрыгунья и плутовка.

Грустно... Отчего мне грустно?
Отчего тоска снедает?
В горле — горький ком рыданий,
в сердце — уголь раскалённый.

Ты проснулась нынче утром.
Это — светлый день рожденья,
день чудесный колыбели.
Но лишь сны тебя согрели,
счастье снилось только ночью.
У постели нет веселья,
ни приветов, ни подарков.

Где красивый круглый крендель?
Свечек светлое сиянье?
Щиплет щёки злобный холод,
гложет голод снежирёнка.
Шествует война по странам,
въехала в сады оглоблей
и дома исколесила.

Мне мою певунью-птичку
приголубить не придётся:
мгла кровавая меж нами,
ненависть стоит стеною.

Оттого грущу, тоскую
и томлюсь порой ночью,
и слова сплетаю тайно,
и в ночи слагаю песни.

ВЕСТНИК

Вьётся божия коровка, —
Как воспоминанье.
Что от дома сохранилось?
Только ключ в кармане,

да одно письмо любимой,
на прощанье строчки,
да засохшая травинка
из ручонки дочки.

Из песчинок незаметно
горы вырастают,
лютой горести крупинки
силу порождают.

Сообщи же в край родимый,
ты, мой вестник милый, —
что ничто не остановит
той могучей силы.

Погляди, — поёт травинка
про покос зарёю,
грезит ключ: «В домах оживших
двери я открою!»

В Т О У Т Р О

Утром взор открыла синий,
в зеркало взглянула:
седина ли, светлый иней,
в волосах мелькнула?

Дети из ромашки белой
свяжут ли букеты?
На ресницах их блестела
не роса ль рассвета?

За столом с тобою рядом
в праздник нет кого-то...
Смотришь в окна долгим взглядом
с тяжкою заботой.

Ждёт гамак меж яблонь белых, —
там нас было двое...
Иль средь веток онемелых
веет ветер, воя?

Ты уходишь в лес тенистый
тропкою вдоль поля.
Вспомнишь море, берег мгlistый,
где двоим раздолье.

Или, зову сердца веря,
вдруг прочтёшь в лазури,
что откроет кто-то двери,
вырванный из бури.

Знаю: зимы, вёсны минут —
ждать ты будешь встречи...
Пальцы рук усталых стынут,
поникают плечи.

Знаю, — крепки эти руки,
хоть и льются слёзы.
Не вернусь я — стерпишь муки,
не сломают грозы.

Ах, в ладонь твою отрадно
положить бы радость!..
Из ладони этой жадно
пил я жизни сладость.

НА БЕРЕГУ ВОЛГИ

Средь блёклого небосвода
луна заливает луг.
И Волги сверкают воды,
и лип серебрится круг.

А ты, моя Эма-еги¹,
Сияет ли гладь твоя?
О нет, почернела ты в беге,
Вот птиц Тоонелы² семья.

И ласточки-дочки уснули,
но зов их я слышу сквозь гром,
хоть кажутся дни, что минули,
мыльным большим пузырём.

Вздохнёшь — и он брызнет слезою,
и радуги сгинет след,
лишь, чистой омыт росой,
сквозь ветви струится свет.

¹ Река в Эстонии, на которой расположен г. Тарту.

² Тоонела — страна мёртвых (эстонская мифология).

ПОСЛЕ БОЯ

Вымыл штык в снегу — как новый.
Сел в канаву. Рад забыться.
Разговор — лишь два-три слова.
Как в тумане — избы, лица.

Всё кружилось в вихре, в туче:
балки, люди, поднебесье...
Скован вялостью ползучей,
руку ты с колена свесил.

Жизнь иль смерть. Вперёд, товарищ!
Всё равно — их видишь рядом
и летишь сквозь дым пожарищ
под свинцовым частым градом.

Всё прошло само собою —
без раздумья или муки:
взмах — бросок рукой-пращою,
взрыв — но умерли все звуки.

Весу нет. Подобно тени,
тело лёгкое нецепко.
Встал — взлетел, как в сновиденьи,
и ружьё в руке — как щепка.

А теперь желаний пламя
гаснет, жар отдавши бою.
Вдруг ты видишь — под ногами
кровь по валенку — струёю.

И, сломав хребет безволью,
устрёмив на запад взор,
ты грозишь, пронизан болью:
«Мы за всё оплатим, вор!»

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Приютилась я в лачуге.
Всё война огнём смела.
Стёкла дребезжат от вьюги.
Стынет печка, чуть тепла.

В голоде влачу недели.
Месяцы длинней веков.
Ели нудно заскрипели...
Кстати был бы вой волков.

И надеюсь я, и мучусь
(страх с надеждою — друзья).
То темно от чёрной тучи,
то сиянье вижу я.

Закипают слёзы мщенья:
бить фашистов! Бить врагов!
Гнев пылает в поколениях
вместе с углем очагов.

Твой уход мне был понятен.
Торопился. Хлеб в мешке.
Удержался от объятий,
лишь ладонь прижал к щеке.

Где б ты ни был, мальчик, знаю:
ты меня не посрамишь.
Тьма ночная, ледяная...
Истомила эта тишь.

Ты Тазую¹ будешь равен —
страх я отгоняю прочь!
Как секира, штык твой славен,
Юрьеву припомни ночь.

¹ Т а з у я — эстонский народный герой.

ПЕСНЯ СЫНА

Ты со мной в минуты эти.
Слышишь ли мои слова?
То лечу я, словно ветер,
то притихну, как трава.

Я суровым стал и строгим.
Возмужал — теперь война.
В сердце, что любило многих,
только ненависть одна!

Мщенье для солдата воздух.
Мщеньем голоден солдат.
Чтоб для вас сияли звёзды —
мост и насыпь вверх взлетят,

стог взовьётся, подпалённый.
Кто поджжёт? Нет паренька!
И с откоса эшелоны
сбросит смелая рука.

Спал в лесу, на сеновале,
мне любая щель — привал.
А силки мне расставляли, —
как дымок, я исчезал.

И в разведке, и в дозоре,
и в пожарах, и в бою:
родина, в годину горя
жизнь тебе я отдаю.

Штык покрыл морозный иней,
я лежу у бугорка.
Родина! Узнал я ныне,
как ты, горькая, близка.

Пусть враги бегут на запад —
Час победы недалёк!
Всюду трупы. Тленья запах
к нам доносит ветерок.

Не тревожься понапрасну:
стойки мы и сил полны.
Сердце, словно уголь красный,
я кладу в очаг страны!

СТАЛИНГРАД

Топча в степях полынь и ковыли,
шли вражьи танки в грохоте и в дыме, —
и вдруг — ни с места: в яростной дали
стена стальная выросла пред ними.

Огонь бушует, и за домом дом,
скарёжась, набок тяжело валится,
но каждый в них зияющий пролом
смерть изрыгает, становясь бойницей.

Проводит бомба, дом насквозь пробьёт —
и рухнет он в багровых клубах дыма,
но из-под щебня так же пулемёт
стрекочет грозно и неукротимо.

Из трещин всех, чернеющих кругом,
пускай в лицо фашистам хлещет пламя,
и пусть земля поведает о том,
что стало с их преступными мечтами.

Гудят поля, и небосвод гудит,
в пожарах город с края и до края,
и всё ещё упорствует бандит,
вперёд он лезет, кровью истекая...

В мечтах своих давно пирует враг
во взятом с боя нашем Сталинграде,
но там не отступают ни на шаг,
родной земли не отдают ни пяди.

Так, доблестью, умноженной стократ,
и стойкостью, и силою крутою
примером вечным будет Сталинград
в боях с любой вражеской ордою!

1942 г.

ВСЕ ДО ЕДИНОГО

В родной простор, взалкав земли и славы,
грозя, ворвались варваров колонны,
и чудище вонзило рог кровавый
в наш отчий дом, надеждой озарённый.

Иль Марья-край¹ опустошали мало?
Иль снова станет он врагов добычей?
Нет, близок день — над их крючками алый
внесётся стяг во всём своём величьи.

Довольно мук. Довольно жизни в путях.
Пусть гибнут те, кто в кровь наш дом втоптали.
Созрей, герой, в боях священно-лютых.
В победе отдых! — слышно в лязге стали.

Мужи и жёны, встаньте, гнева полны!
Не ждать покоя своре злобных бестий.
Пусть знает враг, как сокрушают волны
презренья, ярости, народной мести.

¹ Марья-край — Эстония.

В ЭТИ ДНИ

Напали на родину хищные орды,
схватили за горло и душат её.
Уж лезут, покинув потайные норы,
предатели, — ищет поживы зверьё.

Неужто, о родина, плугом тяжёлым
распашет германец равнины твои?
Погонщики с плетью гуляют по сёлам —
а спины крестьян в синяках и крови.

Вы Махтрой¹ кровавой грозите народу,
злодейства вам власти былой не вернут...
Советский народ подарил нам свободу,
свободных — рабами не сделает кнут.

Вы слышите битвы жестокой удары?
Народ наступает, как грозный прилив,
бок о бок и сын и отец его старый
бросаются в битву, о смерти забыв.

¹ Махтра — в волости Махтра в 1858 г. возникло крестьянское восстание против немецких баронов, которое было жестоко подавлено.

НЕ ЗАБУДЕМ

Мы не забудем в поле крови алой,
как дом наш разорили и сожгли,
как вдоль пути, где варвары прошли,
народ наш в три погибели сгибали.

Мы не забудем детского рыдания,
в дома врывались орды дикарей,
в наложниц превращали матерей,
укрывшихся людей сжигали в зданьях.

Предателям ответим мы отмщеньем,
кто их подобострастно восхвалял
и руки в пятнах крови целовал,
когда мы отшатнулись с отвращеньем.

Сквозь ночь мы слышим крик тоски и боли,
вдруг прерванный зажавшей рот рукой,
и пусть дороги замело пургой, —
им не сломить народной твёрдой воли!

Нет, много их, чьи губы плотно сжаты,
кто смерти взглянет запросто в глаза,
кто из лесу ударит, как гроза,
стальною пулей мести и расплаты.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ НАРВЕ

Не стих ещё ветер сражений в кровавом тумане...
Ты — древняя крепость, хранящая Финский залив.
Тебя омывает угрюмый и бурный прилив,
над башнями алые зори и славы сиянье.

Навстречу весеннему ветру раскрыты ворота,
и дышит теплом на полянах весенняя таль.
Недавно над всем тяготела, как туча, печаль,
теперь же пришла золотая пора для народа.

Не будет летать в облаках твоих хищников
и мы не увидим измученных горем сирот.
Как призраки, немцы не встанут из топи болот,
нашествием древние стены и башни сметая.

Дома опустели, но снова ты, Нарва, свободна.
А пепел пожарищ весеннею бурей взметён.
И скоро завертятся сотни твоих веретён,
их движет волною седой водопад многоводный.

ИОГАННЕС СЕМПЕР

Имя Иоганнеса Семпера хорошо известно в Эстонии. Поэт, прозаик, критик, публицист и общественный деятель, Иоганнес Семпер за тридцать с лишним лет литературной деятельности сделал ряд ценных вкладов в сокровищницу национальной культуры Эстонии.

Объём его творчества обширен: сюда входят сборники стихов, сборник новелл, несколько романов и ряд литературно-критических работ, посвящённых вопросам эстонской, русской и западноевропейских литератур.

Родился Иоганнес Семпер в 1892 году в семье народного учителя. Среднее образование получил в приморском городе Эстонии — Пярну. Писать и печататься начал очень рано. Ещё будучи гимназистом, он написал ряд стихотворений и литературно-критических статей, напечатанных в журнале «Молодая Эстония». В 1910 году Семпер поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Его занятия прерывает первая мировая война. Иоганнес Семпер участвует в ней в качестве офицера русской армии. Своё литературное образование он заканчивает значительно позднее (1920—1927 гг.) в Париже, где получает звание магистра литературных наук.

Начало литературной деятельности Семпера связано с литературной группой передовой эстонской интеллигенции «Молодая Эстония», боровшейся за самостоятельность и самобытность эстонской культуры, за освобождение её от немецкой зависимости. Известным протестом против навязывания молодой эстонской литературе в течение более чем ста лет немецких литературных образцов явился повышенный интерес у членов «Молодой Эстонии» к образцам русской и западноевропейской литературы.

В этом отношении чрезвычайно характерно, что Семпер, прекрасно владеющий многими европейскими языками, в том числе и немецким, в своей переводческой и литературно-критической деятельности никогда не обращался к немецкой литературе. Он переводил на родной язык стихи Пушкина, Блока, Верхарна, Уитмена, Данте, прозу Стендаля, Гюго, Сервантеса, Золя и др., и заслуги Иоганнеса Семпера перед широким эстонским читателем в деле ознакомления его с сокровищами мировой литературы очень велики.

В своём оригинальном поэтическом творчестве Семпер также самым тесным образом связан с русской и французской литературой.

Особенно сильное влияние на ранние стихи Иоганнеса Семпера оказала современная французская поэзия, в частности творчество Эмиля Верхарна, которого Семпер мастерски перевёл на эстонский язык. Для его стихов раннего периода характерны известная вычурность формы, усложнённость и громоздкость поэтических образов и отвлечённость поэтической мысли. Однако в дальнейшем поэзия Семпера становится более простой, лиричной и жизнерадостной. В основном, это глубоко индивидуалистическая лирика, выражающая жизнеощущение поэта, его восприятие мира: людей, природы, жизни больших городов. Значительное место поэт уделяет экзотике путешествий.

Но по мере того, как эстонский фашизм, при прямой поддержке немецких фашистов, захватывает в Эстонии в свои руки власть, в поэзии Иоганнеса Семпера, стоящего в ряду передовой эстонской антифашистской интеллигенции, начинают всё яснее и увереннее звучать гражданские мотивы. Поэт откликается на события в Абиссинии и Испании. В одном из лучших стихотворений этого периода, «На смерть Анри Барбюса», он говорит о долге поэта быть совестью народа:

Пусть твоё слово будет, если кругом молчанье,
Как пробуждённая совесть народа.

(Перевод Н. Павловича)

Всё чаще и чаще обращается поэт также к своему народу и родной стране. Семпер говорит о свободолюбии эстонцев, о их вековой борьбе с иноземными поработителями (немцами), вспоминает великих борцов за свободу родины, противопоставляя лучшие традиции эстонского народа реакционному национализму эстонского фашизма.

Профессор Тартуского университета, редактор (в течение десяти лет) самого крупного литературно-художествен-

ного журнала в Эстонии «Looming» («Творчество»), Иоганнес Семпер в июне 1940 года принимает активное участие в организации советской власти в Эстонии. Он — член Верховного Совета ЭССР и нарком просвещения Эстонии. В годы великой отечественной войны, несмотря на то, что поэту приходится вести большую организационную и общественно-политическую работу, Семпер создаёт целый ряд замечательных поэтических произведений. Именно в эти годы в поэзии Семпера получает особенно яркое звучание тема родины. Страдания поработённой немцами Эстонии, «как пылающий уголь», жгут сердце поэта. Родина стоит перед его внутренним взором, как «нива, побитая градом», взывающая к мести. Гневные строки поэта полны непоколебимой веры в победу Красной Армии и освобождение родной страны от ненавистных захватчиков.

Большой творческой удачей этих лет надо признать его цикл лирических стихов, посвящённых близким и дорогим поэту людям, оставшимся в немецком плену (стихи: «Снегирёнку», «В то утро», «Я вернусь», «Вестник» и др.).

Своей патриотической поэзией Семпер стал ближе своему народу, чем когда-либо. Его стихотворения военных лет, полные нежной и горячей любви к родине, лишены той присущей ранней поэзии Семпера вычурности и усложнённости, которая часто делала её малодоступной. Он стал яснее, проще и ближе широким читательским массам. За годы войны этот поэт-гуманист, связанный в своём творчестве с лучшими традициями передовой интеллигенции своего народа, стал по-настоящему ему близок.

В настоящем сборнике Иоганнеса Семпера мы помещаем избранные стихи из трёх основных сборников поэта: «Солнце в канаве» (1930 год), «Колесо ветров» (1937 год) и «Не могу молчать» (1943 год). Многие из этих стихотворений были в своё время переведены на ряд европейских языков.

Л. Блюмфельд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из сборника «Солнце в канаве»

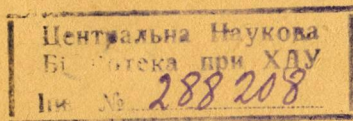
Сверкающая весна. Перевёл Д. Бродский	3
В порту. Перевела М. Замаховская	5
Три могилы. Перевела К. Арсенева	7
Смерть в лесу. Перевела М. Замаховская	9
Осенние листья. Перевела М. Замаховская	10
Обнажённая весна. Перевела М. Замаховская	11
Осенняя импровизация. Перевела К. Арсенева	12
Чёрный конверт. Перевела М. Замаховская	14
Рождение. Перевёл Б. Лейтин	16
Сирота. Перевела М. Замаховская	17
Встреча. Перевела К. Арсенева	18
В ожидании. Перевела К. Арсенева	20
Возвращение домой. Перевела М. Замаховская	22

Из сборника «Колесо ветров»

Под экватором. Перевел С. Олендер	23
Дуб. Перевела К. Арсенева	25
Море. Перевёл В. Парнах	27
На Атлантике. Перевела М. Замаховская	28
Жатва. Перевела К. Арсенева	29
Видение о слепой. Перевела Е. Долгова	30
Вторая ясность. Перевела К. Арсенева	32
Возвращение. Перевела М. Замаховская	33
Очищение. Перевела М. Замаховская	34
Жребий. Перевела Е. Долгова	35
Почему? Перевёл Ю. Цертелев	36
Твоя рука. Перевела М. Замаховская	37
По поводу одной смерти. Перевела Н. Павлович	38
Буря. Перевела М. Замаховская	39

Из сборника «Не могу молчать»

Молчать нету силы. Перевела М. Петровых	41
Эстонии. Перевёл С. Олендер	43
Грабил враг. Перевёл Б. Лейтин	44
Настанет скоро час. Перевёл Б. Лейтин	45
Шиповник. Перевела М. Замаховская	47
Тоска по родине. Перевёл Д. Бродский	48
Я вернусь. Перевела М. Замаховская	50
Снегирёнку. Перевела М. Замаховская	51
Вестник. Перевела Е. Долгова	53
В то утро. Перевела М. Замаховская	54
На берегу Волги. Перевела М. Замаховская	56
После боя. Перевёл Б. Лейтин	57
Песня матери. Перевела Р. Гинцбург	58
Песня сына. Перевела Р. Гинцбург	59
Сталинград. Перевёл Д. Бродский	61
Все до единого. Перевёл Б. Лейтин	63
В эти дни. Перевела И. Грушецкая	64
Не забудем. Перевёл Н. Асанов	65
В освобождённой Нарве. Перевела К. Арсенева	66
Иоганнес Семпер. — Л. Блюмфельд	68

Редактор Л. Блюмфельд.
Художник Эдельштейн.

Подписано к печати	15/XII 1944 г.	А—13018.
Тираж 10 000 экз.	2¼ печ. л.	2.13 уч. авт. лист.
Зак. 337.		Цена 1 руб.

Филиал типографии «Московский большевик»,
Москва, Петровка, 17.

